

A still life photograph featuring a glass pitcher filled with a bouquet of dried flowers and grasses. The bouquet includes various types of dried plants, such as tall, thin grasses, small purple and pink flowers, and dried seed heads. The pitcher is made of clear glass and has a handle on the right side. The background is a solid, dark blue color. The lighting is dramatic, highlighting the textures of the dried plants.

Оксана Горошкина

**НИКТО
НЕ УМЕР**

Оксана Горошкина

НИКТО НЕ УМЕР

Красноярск 2016

ББК 84 (2=411.2) 64-5

Г70

К 25-летию Союза российских писателей

Книга издана при поддержке
Министерства культуры
Российской Федерации
и Союза российских писателей

Вёрстка: Денис Латынин
На обложке: фото Юлии Романовой
Редактор: Нина Ягодинцева
Корректор: Нина Ягодинцева

Г70 **Горошкина Оксана.** Никто не умер : стихотворения
/ О.Горошкина. – Красноярск : КрасКонтраст, 2016. – 72 с.

ISBN 978-5-9908567-1-4

© Горошкина О., 2016

От автора

Процесс работы над книгой – это путь, который хотя бы раз в жизни должен пройти каждый автор. Мне – на моём пути – совершенно очевидной стала понятная умом, но не вполне ещё осознанная вещь. Подобно тому, как стихотворение не является только суммой слов, из которых оно состоит, книга также не является только суммой текстов, включённых в неё. Книга обладает своей собственной энергетикой.

И моя книга наполнялась энергетикой по мере того, как в работу включались разные люди. Сейчас этот сборник выражает меня, может быть, даже в большей степени, чем если бы я работала над ним в одиночку. Мне очень нравится то, что получилось. Надеюсь, понравится и вам.

Оксана Горошкина

НИКТО НЕ УМЕР

* * *

Остановись.
Перехвати дыхание
движеньем мысли, и
перецеди всё небо сквозь сознание –
в цветах немыслимых!

Брось
на асфальт тоску,
а вместе с нею –
всё, что привык
носить в себе.
Нет ничего важнее,
чем этот
миг.

* * *

Луна плывёт медузой за бортом.
Ночь ловит нас ленивым влажным ртом –
Но мы с тобою падаем на спины
Огромных неподатливых китов.

Так в каждом пробуждается любовь,
И нас уносит по волнам на льдины.

Попробуй научиться у кита
Доверию, а после – испытай
Желание, которое свободно,
Как плаванье. Прими его легко –
Пусть пенится морское молоко,
Пусть оно урчит, как зверь голодный.

Отчаянье – привычная цена
Для тех, кому отсюда не видна
У горизонта ледяная глыба.

Но если глыбы не было и нет?
А только есть луны спокойный свет
И звёзды – будто маленькие рыбы...

* * *

«Будьте как дети» –
И тянутся липкие руки
К вишне огромной, манящей невероятно.

«Будьте как дети» –
И верится: лапка у мухи,
Если назад приложить, – прирастает обратно.

«Будьте как дети» –
И бантик весёлой ромашкой,
С прядью сцепившись, преследует всюду тебя.

«Будьте как дети» –
И ты над разбитою чашкой
Плачешь, как будто сегодня разбилась судьба.

* * *

Пока не вылетел на землю
В последний рейс –
Сиди, синичьим спорам внемля,
И мёрзни здесь.

Следи, как снег летит колючий,
Ползёт трамвай.
Смотри внимательнее. Слушай.
Запоминай.

Как недосказанность привычна
В конце строки,
Так на снегу уместны птичьи
Черновики.

Да ты и сам уже уместней
Среди следов.
Не надо громких слов и песен,
Но будь готов –

И, ветром сорванный однажды
И им ведом,
Стань лёгким вестником отважным –
Простым письмом.

Лети туда, где свет бездонный,
Где встретит та,
Что наизусть тебя запомнит,
Прочтя с листа.

* * *

Без лишней драмы и без претензий
Пиши о том, что тебя не ранит:
Вот жук уселся в букет гортензий,
Вот сад цветущий покоем залит.

А душной ночью в безлунной гуще,
Забившись в угол, обняв колени,
Тверди бездумно: вот жук цветущий,
Вот сад уселся в букет сирени.

* * *

Мы сидим, до упора открыв окно.
Ветер сободем льнёт к щеке.
В брюхе рыбины, стонущей и стальной,
Мы плывём по шоссе-реке.
Ты твердишь, что нас ждёт вон за той горой
Возвращение теплоты.
Я смотрю за окно. За окном прибой,
Камни, травы, кусты, кусты.
А шоссе-река тяжела, как вздох,
И долга, как моя тоска.
На приборной панели бельмом засох
След от солнечного плевка.
К безмятежно молчащим вдали холмам
Отползает мохнатый лес.
Закрываю глаза – и съедает тьма
Нас с тобою, и берег весь,
Наделяя живое одной чертой –
Узнаванием по шепотку:
«Обними меня, море, залей собой
Опостылевшую тоску».

* * *

Я замужем – за мужем и детьми,
За трещиной на потолке квартиры.
Я замужем за этим шумным миром
И за его бесцельными людьми.

Я замужем за речкою во льдах,
За стопкой старых книг на дальней полке,
За чудачком в забавной треуголке,
Живущим между строк в моих стихах.

Я замужем – с улыбкой на устах,
Пусть иногда становится так плохо,
Как будто я жена царя Гороха
И вот сейчас останусь на бобах.

И хоть вокруг твердят который год,
Что брака институт сейчас в опале, –
Я замужем. И, что б там ни сказали,
Я не подам, хоть тресни, на развод.

* * *

Это самое чувство, когда ты как будто жив:
Поливаешь цветы, чистишь зубы, печёшь коржи,
А внутри разгорается тысяча алых звёзд:
Семена сладкой боли, проснувшись, стремятся в рост.
Это самое чувство, когда под ногой нет дна,
И – «приди ко мне» – шепчет чарующе глубина.
Словно кто-то незримый легонько тебя прижал
И так нежно по шее ведёт острием ножа.
Это чувство, которому больше не рад и сам –
Вот бы взять его крепко и вырвать ко всем чертям.

Это самое чувство: «Ты просто живи, живи!
Никому не скажу я об этой моей любви».

* * *

И приходит слово. Оно как солнце:
Закипает, жалит, наружу рвётся,
Затяжным каскадом фотонных порций
Пёстрых мыслей взбивая взвесь.

Исступлённо буквы-протуберанцы
Изнутри буравят защитный панцирь.
Это время выйти на свет. Признаться:
Я живая ещё. Я есть.

* * *

Л.

Так отпускают реку скупые льды.
Тихим теченьем ведомы, плывут в моря.
Так навсегда меня покидаешь ты:
Мягко, легко, не прощаясь и не коря.

Год превращается в день. Семена – в траву.
Время стирает нашу взаимосвязь.
Так отпускают голубя в синеву,
Смутным пятном из прошлого становясь.

* * *

Самый-самый
вкусный
кофе
варит седой араб
с чёрной от солнца кожей
и белыми, как снег, волосами
на краю пустыни,
не имеющей названия
и не обозначенной ни на одной карте.
Длинные сухие пальцы
отсыпают заветный
чёрный порошок
точнее, чем пальцы ювелира.
И долго-долго
в горячем песке
джезва вычерчивает «бесконечность».

Ты знаешь, что произойдет дальше.
Он предложит кофе самому дорогому гостю.
Тебе.
Губы коснутся горького напитка,
и в этот момент
слово “вкус” потеряет смысл,
как теряют смысл одномерные понятия
в трёхмерной системе координат.

Так,
как будто этот кофе
сварил Бог.

* * *

Сны беспечны. Сны – весны
Неразумной отголоски, –
Как зелёные полоски,
Тянутся на свет луны.

В руку сон летит мою –
Он сверкает и искрится...
Всё, что завтра мне приснится,
Я сегодня отмолю.

* * *

Нету в мире счастья!
Счастья в мире – нету!
Погуляю с Настей.
Пожую котлету.

Поболтаю с кошкой
Утром на крылечке.
Поболтаю ножкой
В тёмно-синей речке.

Прочитаю книжку.
Всю. Про невидимку.
С тёплым мягким мишкой
Лягу спать в обнимку.

И приснится: ёлка,
Мишура, морозы...
Нету в мире счастья!
Говорю серьёзно!

* * *

Мимо проносятся светофоры.
Ночь наползает на сонный город.
Время, стекающее за ворот,
Тянется, как нуга.

Что нам извечное постоянство
Цвета в сухом городском убранстве?
Что нам, охочим до дальних странствий,
Рыхлые берега?

Вещи собрав, натянув бейсболки,
Вольнолюбивые, словно волки,
Мы бы ушли далеко, надолго,
Только мы здесь сейчас.

Город ни держит, ни отпускает,
Ветром игривым вихры ласкает
И на барашках реки качает
Маленьких глупых нас.

* * *

Треснула ветка.
Вздрыгнула, вспоминая:
Жизнь не рулетка –
Первая проходная.

Мёртвые листья.
В центре стою, живая –
Азбучных истин
Первая проходная.

Всё пропадают
Люди, в закате тая.
В сердце зияет
Первая проходная.

Время на взводе –
Гонит, не разбирая.
Всех нас проглотит
Первая проходная.

Выпадет доля –
Встану в воротах рая.
Если позволит
Первая проходная...

* * *

Обруби сплеча – спяну, сгоряча, –
Что прожил крича, что не смог начать.
Оботри печаль с лезвия меча
И на боль свою наложи печать.

Знают сто из ста: всё излечит сталь.
Пусть душа пуста – не бросай поста.
К холоду креста приложи уста
И начни дышать с чистого листа.

* * *

Они влезают в стихи твои, скалят беззубый рот,
Совсем-совсем ничего взамен счастья и не желая.
Но день настанет однажды – и каждый из них уйдёт,
С собой кусочек твоей души в странствия забирая.

А ты – оставайся один. Писем нечастых жди.
Корми кота. Поливай цветы. Ешь по утрам овсянку.
Живи – потерянный, словно ты вывернут наизнанку.
Живи – с душою, что навсегда вырвана из груди.

* * *

И потом чёрные блещут лбы.
Исчезли люди, везде – рабы.
Издалека, как один – в бреду, –
Изгой разума в строй бредут.

Их злость бесцельна, мораль – слепа,
И кроет матом чужих толпа.
Исправно веет над стаей флаг.
И каждый верит – должно быть так.

Изрезав небо, ракетный строй
Истошно воеет над головой.
И что-то рявкает в телефон
Инициатор конца времён.

* * *

Всё так же ищущ тебя. Выгадываю маршруты,
Чтоб в суетной толчее увидиться вновь с тобой.

Просчитываю пути, за метры и за минуты,
Как маленький Дон Кихот, сражаясь с большой судьбой.

И в путанице дорог, в заснеженной сетке улиц
Как будто какой шутник нарочно разводит нас.

Сегодня в который раз с тобою мы разминулись.
Ты мимо меня прошёл, не встретив – в который раз?

А город, меж тем, надел неоновые обновки.
А снег, между тем, дома холодным укрыл крылом.

Вступает в права январь. Я мёрзну на остановке.
И ты где-то близко. Ты, возможно, за тем углом.

Как прежде, среди зимы в тебе одном живо лето.
А впрочем, далёкий друг, ты счастлив – и хорошо.

Жаль только, что не смогу тебе я сказать об этом:
Автобус подъехал мой чуть раньше, чем ты пришёл.

* * *

Кофе остыл.
Ночь. Воют волки.
Для самоволки
Хватит ли сил?

Небо в кольцо
Лунное вдето.
Нежное лето
Прячет лицо.

Окон холсты.
Реками вспорот,
Спит лунный город.
Спишь – лунный – ты.

Ты мне открыл
Светлое что-то...
Но для полёта
Хватит ли сил?

* * *

Жар проникает в тело до костей,
сметая к чёрту планы и гостей,
чтоб отступить на время только утром.

Потом по позвонкам сползает вниз,
и позвонки, похожие на низ-
ку бус, покрытых тусклым перламутром,

под кожей шевелятся, как кроты,
копая вглубь до вечной пустоты –
как будто в ней ответ на все вопросы.

Вселенная вдруг хрустнет, как орех –
и в эту щёлку подглядеть не грех,
ведь всё забудешь завтра утром, в восемь.

* * *

по улице шёл мужчина
в кармане держал гранату
все думали на работу
идёт семьянин примерный
а у него граната
с выдернутой чекой

по улице шёл юноша
с черным скрипичным футляром
все думали юный гений
в футляре была винтовка
назавтра какие-то школьники
уже не придут домой

по улице шла женщина
к себе пакет прижимая
все думали из магазина
в пакете лежал младенец
февраль заступил на вахту
и тридцать ниже нуля

звёзды падают падают
падают жёлтые красные
мы перебьём друг друга
а мир огромный и светлый
не денется никуда

* * *

Человек-декабрь приходит в мой новый дом.
Мы садимся на кухне с – геранями и котом.
Дети носятся вокруг нас порознь и гуртом.
Человек-декабрь думает: «Я мог бы быть их отцом».
Человек-декабрь говорит: «Я ходил под парусом и с веслом».
Пел навзрыд, жил наугад, чувствовал на излом,
Расставался на раз. А однажды, задним числом,
Свою память просеял меленьким решетом –
И накрыло: то ли цунами, а то ли шторм.
И тоска по тебе нарастает, как снежный ком.
Всё хожу, чумной, словно в дурмане или во сне...
А давай мы с тобой как раньше – спина к спине?

Отвечаю ему: «Прости, друг, что не вышла с тобой на старт.
У меня внутри человек-август, а на сердце – человек-март.
Жизнь играет со мной в подкидного: всё меньше в колоде карт.
Каждый вечер Луна тусклеет.
Каждый день слабее азарт.
Было время, когда мы с тобою плечом к плечу.
А теперь я жива, свободна, и большего не хочу.
Что-то помню оттуда – про парус и про весло,
Но всё будто в тумане, как тысячу лет прошло.

Да и сам понимаешь: скоро праздники – Новый год,
У детей – утренники, у мужа – в Москву самолёт,
В общем, графики, планы, заботы, дела, дела...
Всё несётся, всё крутится – знай, закусывай удила.
Так что просто звони почаще, будь то радость или беда...»

Человек-декабрь встаёт.
Уходит.
И не возвращается никогда.

* * *

Я не могу мучительно, на излом
Словом кровить или блевать стихом
Про ковыряние в ране тупым ножом,
Про вырывание близких из сердца с корнем.

Я собираю кубиками слова:
«Кошка», «собака», «дерево», «дом», «трава».
Если проступит бытийная вдруг канва,
То разве только случайным оксюморонам.

Я неразумный ребёнок. Мне мало лет.
Будто нарочно строгий забыв запрет,
В душевной кладовке я влезла на табурет,
Чтоб их достать из пёстрой большой коробки.

Руки уже не слушаются, дрожат:
Кубики эти мне не принадлежат.
Но на ладони, больше ничем не сжат,
Стих расправляет, будто побеги, строки.

Он не спеша от лампы вбирает свет
И обретает звучность, объём и цвет,
Не как набор деревянных обрубков – нет! –
Но как слова, звенящие и живые,

Строки ложатся на лист, как на холм – чабрец.
Вдруг вспоминаю: скоро придёт отец,
Спросит, когда ж наиграюсь я наконец.
Скажет: «Верни их, дочка.
Они чужие».

* * *

Как это – почувствовать бессилие
И руками развести неловкими?
Ты хотел свободы? Так бери её!
Я не удержу тебя верёвками.

Надо бы всю жизнь начать по-новому,
Только ничего уже не хочется.
И шальная мысль штурмует голову:
«Это просто сон. Он скоро кончится».

* * *

Ты не ловишься на бумагу,
Сколь ни проси.
Ни строки не прибавится к шагу
В неземную синь.

Словно в библиотеке: почувствуй,
А кричать не смей.
Я бросаю бумагу. Пусто
Третий год на ней.

И в таком затяжном бесстрочье
И в молчанье сплошь
Ощущением – зыбким, неточным –
Ты во мне живёшь.

* * *

Я опускаю ноги в мокрый густой песок –
И электроды земли впиваются мне под кожу.
Всё. Я теперь не женщина.
Я голубой цветок.
Впрочем, сегодня это одно и то же.

Солнце бурлит по венам – вот теперь моя кровь.
Я состою из света, мёда и хлорофилла.
Цепко лодыжки держит тонкий земной покров.
Лишь бы земля меня больше не отпустила...

* * *

1.
Ночь наползает холодной сажей.
Принц был замечен и схвачен стражей.
Плачешь над книгой, как над пропажей.
Что же ты? Не впервой.

В поисках вкусной душевной жвачки,
Как балерина в трусах и в пачке,
Прямо с утра начинаешь скачки
Вдоль по передовой.

Что же любовь? А любви не ищут,
Если ни принцев вокруг, ни нищих,
Если повсюду валетов тыщи
Ломятся в дураки.

И только Там, затаив дыханье,
Веришь в правдивость его признанья,
И воздается за ожиданье
Счастья, а не тоски.

2.
Книга отложена. На балконе
Курит супруг. Батарейка стонет.
Плавают мясо в густом бульоне.
Время по нервам бьет.

Ночь наползает плащом убийцы.
Тянет напиток и удавиться.
Что же любовь? Парадигма в лицах:
Шрёдингер, ящик, кот.

* * *

Рассыпайся по городам,
По затянутым пылью книгам.
Рассыпайся по снам, интригам,
По любимым тобой стихам.

Рассыпайся, как снег зимой,
По суровым и добрым лицам.
Оставляй от себя крупицы
В каждой луже на мостовой.

Рассыпайся, рисуя нимб
Над неловким дрожаньем свечек...
А потом – в самый тихий вечер –
Стань единым. И стань одним.

* * *

Хочется именно этого:
В вечной сырой тиши
Перебродить с рассветами
В яростный взрыв души.

Хочется именно этого:
Без сожаленья пасть
Яркой шальной кометою
В черную мира пасть.

* * *

Сегодня я расстреляла ложь.
А она всё ещё жива.
Я всадила ей между рёбер нож –
А она всё ещё жива.

А она жива – в пустоте листа
Я прячу своё враньё.
Потому что правда предельно проста.
И я очень боюсь её.

* * *

Вот что бывает с болью твоей, когда
Звуки глотает мысленная вода,
И накрывает морок – и подаёт
Тысячи тысяч килостихов на вход.

Вот что бывает: жадно к земле припав,
Небо вбирает сладость июньских трав.
И проливает месяц бесплотный мёд
В руки деревьев – и из ладоней пьёт.

Вот что: в окружность неба, как в лупу, взят –
Тысячи тысяч сверху в тебя глядят –
Трелью сверчковой к лугу примят, лежишь.
Но – бессловесье. И безмятежье лишь.

* * *

Смерть начинается где-то с тридцати
Маячить, невпопад играть словами,
По пьяни не друзьям звонить, а маме
И в телефон рыдать: «Прости... Прости...»

Не в лоб, а деликатно, в мелочах
Проявится отчетливость кончины –
В изгибе свеженайдённой морщины,
В серебряных пометках на висках.

И кажется: ты молод и силён,
Испробовал любовь, познал ей цену.
Но над тобой лихие перемены
Уже висят дамокловым мечом –

И ты стоишь под лупой. На весы
Помещены дела твои и строчки.
И время ужимается не в точку,
А в остриё наточенной косы.

* * *

И больше уже не правит
упрямая злость парадом,
не манит скорей сбежать
в немислимые чертоги –
ведь тот, кто остался рядом,
тот,
кто остался рядом,
становится целым миром
в итоге.

* * *

I

Вот твой стол, вот тумбочка и кровать.
В этом мире жить тебе, доживать.
Доживать осмысленно, без затей,
С кем идешь на взлёт – с тем дели постель.
Будет вдоволь – запахов, чудных снов,
На ладонях – розовых лепестков,
И друзей, и музыки – полон дом.
Будет очень многое. Но о том,
Кто живёт в изломах твоей души,
Не пиши. Пожалуйста, не пиши.

II

Вот мой стол, вот тумбочка, стопка книг –
Отыщу тебя я в любой из них.
Вот окно, где в каждой из сотен спин
Мне всегда мерещишься ты один.
Я попробую забытьё на вкус –
Отойду, отнекаюсь, отрекусь, –
Чтоб не выло сердце, не брал озноб,
Не рвалось стихом твоё имя, чтоб
Разошлась в груди пустота, звеня.

Только что останется у меня?

* * *

Разбрасывать
камни
весело,
Пока тебе только двадцать.
Разбрасывай камни.
К пенсии
Будет чем заниматься.

* * *

I
О, как это просто – невысимо просто:
Пустые бутылки. Крылатые звуки.
Недостоянство. Ответы-вопросы.
Усмешкою циника связаны руки.

Шершавые поручни. Красочный вечер.
Закат где-то справа. А слева – машины.
Нелепое платье. Случайная встреча.
Чужие глаза у чужого мужчины.

Раздутая вежливость. Слов камасутра.
Бардак перманентный. Кровать. Поза трупа.
Одежда на стуле. Надежда на утро.
Как все это глупо... Немыслимо глупо.

II
О, как это сложно – невысимо сложно:
Себя не предать и себе не перечить.
Не верить – неверию. Гордость стреножив,
В чужом вдруг увидеть знакомое нечто.

Болтать о погоде. Смеяться как дети.
Себе повторяя, что будет иначе,
Увлечься. Увлечь. Прикоснуться. Заметить,
Как пульс перешел из аллегро в виваче.

Смутиться. По дрожи предательской в пальцах
Понять, что отныне совсем безоружна.
Не жаждать побега. Уже – не бояться.

Как всё это нужно. Немыслимо нужно.

* * *

Ставлю джеззу на огонь:
Аромат, как дух пустыни,
В коридор плывёт. Отныне
Все стихи мои – не тронь!

Тьма и свет, любовь и боль
На листе – равновелики,
Как кровинки земляники,
Ля диез и си бемоль.

Хватит слёзы воспевать!
В это радостное небо
Сиротой смотреть – нелепо
И нелепо горевать.

Ведь паяцу не к лицу
На потеху резать вены:
В нашей пьесе непременно
Все и так умрут к концу.

* * *

Мы все там чего-то ищем –
У райского пепелища.
Копеечку сунешь нищим –
И метишь ногой в Эдем.

Крепчают вино и нервы,
Но точат мыслишки-черви,
Что делаешь всё неверно:
Не то, не тогда, не тем.

Но станет чуть-чуть потише
В отделе раздачи шишек –
И вдруг сознаёшь, что дышишь,
И ладно. И хорошо.

И в общем подъёмно бремя,
И можно побыть не в теме,
И страх не успеть за всеми
Безмысленен и смешон...

И рано внедрилось время
Во внутренний лексикон.

* * *

Вереском розовым, солодом-золотом
Переброжу – стану терпкой, пьянящею.
Сделай глоток меня. Чувствуешь, молодо –
Зелено? Это твоё настоящее!

Сделай, глоток меня – жадно, безмысленно:
Если помедлишь, уступишь сомнению
Разом закончусь я, разом я выплеснусь,
Будто в проталины – солнце весеннее.

Вереском розовым в маленькой гавани
Выросла дерзкому ветру навстречу:
Солнца тепло во мне.
Радость дождя во мне!

Сделай глоток меня.
Чувствуешь? Легче...

* * *

Посадите кедры, много-много кедров,
Рощу юных кедров за моим окном!
Пусть они не гнутся под напором ветра,
От людей и взглядов защищая дом.

Пусть идут незримо тоненькие нити
От хвоинок нежных к донцам альвеол,
Чтоб стремился в небо, подчинясь наитью,
Непоколебимый деревянный ствол,

Чтобы ты однажды посмотрел на чудо,
Будничное чудо, чудо из чудес –
Как в едином ритме на Земле повсюду
С каждым нашим вдохом прорастает лес.

* * *

*...И море отступает, каждый раз
Бесстыдно оголив песочность кожи...*

Наталья Самотой

Что море? Отступает каждый раз,
И каждый раз немедля приступает,
Сгоняя с мокрой гальки птичьи стаи,
Вгоняя в берег бешеный экстаз...

Врастая в сны и мысли по чуть-чуть,
Оно, как время, ни черта не лечит,
Но обнимает бережно за плечи,
Холодную рукой ласкает грудь.

«Я истина, испей меня до дна!» –
И, лунной чашей зачерпнув полмира,
Мне небо пропоёт негромко «Вира!»,
Но – «Майна!» – властно скажет глубина.

* * *

Потягивая вечером кефир,
Гляжу в себя – заученные дали...
Вот мы и вышли. Вот мы и устали.
А раньше нам был тесен целый мир.

Саднит октябрь, от форточки сквозя.
Садится пыль веков на занавески.
Предчувствия и звуки слишком резки.
Не вспоминай. Не двигайся. Нельзя.

Судьба не опрокинет – повезёт:
Работа, дом, семья, опять работа...
И даже в глубине тихонько что-то
Не гложет. Неужели это всё?

Утренний эспрессо

У тебя
такие маленькие
аккуратные руки,
что иногда
мне хочется
быть ноготком
на твоём мизинце,
чтобы,
пригубив
утренний эспрессо
из белой фарфоровой чашечки
в летнем кафе,
ты изящно
отставляла меня в сторону
и флиртвала
вон с тем брюнетом.

Так жаль,
что ты
не любишь кофе.

Никто не умер

Давай представим в порядке фарса,
В порядке бреда, бадьи с лапшой:
Случилось что-то – и в нашей сказке
Никто не умер. Всё хорошо.

Жиреют принцы: казна, корона,
Охота, девки, пиры, кровать...
Зачем пытаться убить дракона?
Ведь можно просто не умирать!

В высоком замке сидит принцесса:
Томится, плачет – совсем одна.
Никем, кто вышел с конём из леса,
Она, конечно, не спасена,

И дни проходят без толку, то бишь,
Подобно водке сквозь решето,
Ведь в нашей сказке (ну, ты же помнишь!)
Никто не умер. Совсем никто.

В расход пуская сараи, фуры,
Дома, деревья, – да всё подряд! –
Летает в небе дракон понурый
(Совсем не мёртвый летает, гад).

Пытать удачу к большой дороге
Выходит каждый – и стар, и мал, –
Ведь смерти нету, и можно много
Тому, кто в жизни не умирал.

Как будто резко врубился тумблер,
И счёт безумный уже пошёл.
Но в нашей сказке никто не умер,
И значит, в целом – всё хорошо.

* * *

Ничего и не хочется, кроме зелёного чая.
Тихо падает снег. Выпрямляется ночь в полный рост.
Я оденусь и выйду. Я, может, тебя повстречаю
В городской суете, где зима заступает на пост.

Я оденусь и выйду. Застыну, уставясь на звёзды –
Миллион миллионов, а, может, всего тыщу тыщ...
И на миг мне покажется, будто, нелепо серьёзный,
Смотришь ты на меня сквозь зрачки этих жёлтых глазищ.

Я оденусь и выйду... Да нет, не пойду никуда я.
Буду дома сидеть, беспокойную душу кляня.
Буду пить тёплый чай в одиночку, не подозревая,
Что ты всё-таки вышел.
Ты вышел.
Ты ищешь меня.

* * *

Если бы мне сейчас быть бестолковой рыбой
Там, где придонный ил воду целует всласть,
Где равнозначен день ночи, и не могли бы
Пение птиц – звучать, солнечный свет – упасть...

Если бы мне сейчас в многометровой толще
Чувствовать, как близка, как ощутима тьма,
Что никаких штормов не существует больше
И как легко покой может свести с ума...

Мне же дано одно – быть бестолковой бабой,
Робко морской песок трогать босой стопой,
Долго на берегу чей-нибудь ждать корабль,
Чувствуя привкус слов – истинный, солевой,

И наконец, понять, глядя, как с ветром спорит
Чайка, и как прибой лижет мои следы,
Что, отрицая шторм, я убиваю море,
Суть его низводя до лужи простой воды.

* * *

Вырви себя из кома
Жалости и обид!
Если бежишь из дома,
Смутной тоской влекомый,
Это не ты поломан –
Чутьочку мир сбоит.

Выступил за границы
Твой ненасытный ад.
Прежде, чем падать ниц и
Рваться в самоубийцы,
Вспомни: остановиться
И повернуть назад –

Невелика потеря
В шаге от пустоты.
Там, за небесной дверью,
Если в кого и верят –
Это, конечно, ты.

* * *

В пространстве моей подкорки,
где мыши снуют да белки,
творят одни кофемолки
и бытовые грелки.

А было бы очень здорово,
чтоб под мою крышу
заглядывал чаще Коркия
и иногда – Ницше.

* * *

Можешь рукой утюжить её колени,
Можешь рвать глотку, истину возлюбя,
Время придёт – коварно и неизменно.
Время придёт к тебе и возьмёт с тебя.

Можешь, смотря под ноги, тащиться мимо
Лунного света, ряби речной, рябин...
Время придёт однажды неотвратно –
И не уйдёт от времени ни один.

Можешь в бетонном панцире безмятежно
Жизнь коротать – с любовью и без любви.
Время придёт – бессовестно неизбежно.
Что ты ответишь времени, визави?

* * *

Совсем не страшно быть никем.
Быть молчаливым. Быть покорным
Всем догмам, правилам и нормам.
Надеть посредственность как шлем.

Желать покоя. Есть из рук.
Глотать обиду. Бить баклуши.
Жевать, как все, хотдог и суши.
Ходить, как все, за кругом круг.

Не видеть снов. Не ждать чудес.
Ни разу не достигнуть края,
Финала жизни ожидая –
Без цели и надежды без.

Страшней, зажав себя в тиски
Бетонных стен, паркета, крыши,
Трепещущей сердечной мышцы
Узнать упругие толчки –

И ни в покое, ни в борьбе
Не заглушать ни на минуту
Тот камертон, который будто
С рождения звучит в тебе.

Быть верным сердцу. Пусть затем –
Дорога, бездна, безнадёга...

Совсем не страшно быть никем.
Собою быть – страшней намного.

* * *

Когда закрыты двери на засов
И наглухо зашторены все окна,
Когда объятый ночью город блёкнет,
Я будто слышу тиканье часов.

Не тех, что обитают на стене,
Развесив ветви-стрелки над диваном,
А тех, что незаметно и коварно
Судьба однажды завела во мне.

Они идут – и слышится их ход
Сквозь шёпот января и гомон мая.
Они идут, невольно заставляя
Считать, когда закончится завод.

* * *

Время жалится, словно шмель,
Впечатлениями и снами,
Болью ноющей за висками
Оставляет на память – память,
Что сжимает нутро тисками.
И попробуй усни теперь.

Время тянется, словно сыр,
Только нас отпустить не хочет.
Выделяя нас среди прочих,
Расставляет над нами точки.
Это пение мецца воче
Заполняет собой эфир.

Время пахнет, как мандарин...
Откуси от него кусочек –
И узнаешь весь мир построчно:
От высот его до глубин.

* * *

Я перестала жить, верить и ждать давно.
Я больше не хочу что-то в себе менять.
Хочешь – давай в Тибет. Или пойдём в кино.
Мне уже всё равно. Веришь ли, наплевать.

Стрелки моих часов не повернуть назад.
Да и чего вертеть, если конец – один.
Раз – и погашен свет. Два – и опущен взгляд.
Я себе – генерал. Ты себе – господин.

Выйти в морозный день, свежесть зимы вдохнуть.
После – бегом назад. Медленно дотлеть.
Раз – и погашен свет. Два – и утерян путь.
Впрочем, какая разница, если на всё плевать.

* * *

Юбки становятся все длинней...
Кажется, дело идет к весне.
Не расточайся, мой друг, напрасно –
Истина в женщинах и вине.

Семеро в лодке весла не ждут.
Сдашься и ты, мой прекрасный Брут.
Эти смешные до пола юбки
Неописуемо мне идут.

Пусть наша близость живёт (увы!)
В дебрях хмельной моей головы –
Бойся, дружище, вина и женщин!
Я и мартини идём на вы.

* * *

В нашем мире спорно всё.
То оспорено и это:
Жизнь и смерть, налоги, лето
И сансары колесо.

Спорны йога, вера, Рим,
Саммиты большой восьмёрки,
Диспропорция «отвёртки»...
Ты один неоспорим.

* * *

От тебя не уйдёшь, не скроешься
Ни в Тибете, ни в декабре,
Не спрячешься в море корюшкой –
И собакою в конуре.
Всё равно ты торчишь безжалостно
Из межрёберья, как копьё.
В нервный узел под сердцем сжалось, но
Всю меня заполняешь жадносно,
Горе горькое ты моё...

* * *

Весна прорастает сквозь лето в осень...

Елена Крылова

Весна прорастает сквозь будни корнями –
как змей проползает в забытые гнёзда,
как небо срывается в лужи кусками,
как в вену больного вторгается воздух.

Весна прорастает сквозь сердце костями –
кроваво, бессмысленно, необратимо.
Так сквозь черновик прорывается пламя.
Так я прорастаю стихами твоими.

* * *

Если покроют морщины
руки мои и губы,
если внезапно
станет
голос подобием тубы,
если глаза потухнут,
а спину согнёт усталость,
будешь ли ты любить
то, что во мне осталось?

* * *

Рождённый быть никем – не станет всем.
Он невесом, не начат и неточен,
Как гулкое пространство междустрочья
В бескомпромиссной толкотне лексем.

В нём нет беды и, в общем, нет вины,
А лишь одна бессвойственность нагая.
Но если звёзд почти не зажигают,
Возможно, эти звёзды не нужны?

И дело в том, чтоб просто так стоять,
Не совершая ни броска, ни шага –
Прозрачным, как вощёная бумага.
Пустым, как нераскрытая тетрадь.

* * *

Если и есть на свете такой приют,
Где неизменно любят тебя и ждут,
Где тебя примут – в каждой из сотен зим –
Добрым и злым, сломленным, но живым;

Если и есть какая-нибудь юдоль,
Где воздаётся с лихвой за любую боль,
Падает камень с измучившейся души,
Сердце становится радостным и большим;

Если и есть на свете такой порог,
Переступить который легко б ты мог,
Не ожидая камня или клинка
В спину – от побратима или врага...

Если и есть это где-нибудь, мой родной,
То – только в мире, выдуманном тобой

* * *

С каждым неровным выдохом голос тише.
С каждой попыткой звука тоска острее.
Ты размыкаешь губы, но я не слышу
Песни цинично-жалостливой твоей.

Где же слова и звуки? Они могли бы
Дать нам с тобой иллюзию теплоты.
Мы же безмолвны с тобой, как безмолвны рыбы,
Мы же пусты с тобой, как слова пусты.

Это не жажда лжи, но потребность всеу
Сделать весомей пену прошедших дней.
Песня, что ты поёшь мне – не существует,
И оттого не слышать её – больней.

* * *

Мой объект космический
Слишком мал.
Не спешит по орбите он –
Так устал.
И не греет на солнце
Скалистый бок.
Ну, а кто бы смог?
Вот и он не смог.
Потому что внутри раздвигаются
Материки,
Разрывая сердечную
Плоть в куски.
И утробный гул
Литосферных плит
Тянет крик с собою твой,
Как магнит –
И не слышно ни слова
Внутри стиха
В зарождении нового
Материка.

* * *

Пусть время рассудит:
Оно, словно нож,
Разделит ветви путей.
Что будет – то будет.

Когда ты уйдёшь,
Я выживу.
Я сильнеей.

* * *

Чёрен чифир за прозрачной стеной окна.
Поезд легонько качается – стук да стук.
Столь неумная сила заключена
В чутких объятиях маминых нежных рук –

Мир замирает! И не убоишься зла,
Будто и зла никакого в помине нет.
Месяц дрейфует чайником в плену стекла.
В банку купе наливается тёплый свет.

Сколько хватает глазу – простор, простор!
Поезд легонько качается – цок да цок.
Пульсу подобный мистический наговор
Мерными точками падает между строк.

Сколько хватает сердцу – покой, покой...
Неосторожно разлитый на сотни миль,
Гладит железный бок золотой волной,
Между собой перешёптываясь, ковыль.

* * *

Я помню,
как в детстве
мы с мамой пекли печенье.
Круглые солнышки выплывали из духовки.
Теплые, с неуловимым запахом ванили.
Я брала их в ладони
горстями
и согревалась.

И, казалось,
холода уходили.
И таяли снега.

У бабы яги была одна костяная нога.
А одна была – живая.
И чувствовала,
не переставая.

А потом прошли годы.
Растаял запах ванили.
А снег не растаял.
Он продолжает быть.

* * *

Взгляни на девочку в фоторамке
/а сколько это уже прошло?/ –
в обнимку с мишкой, в цветной панамке
печально смотрит через стекло.

Она хрупка, как песочный Будда,
как чайки тающий силуэт...
Как молчаливый укор оттуда,
куда обратной дороги нет.

Тебе уже далеко за двадцать.
Черствеешь, злеешь /всему свой срок/.
А ей так хочется улыбаться,
ловить капустниц в смешной сачок,

играть в машинки с соседом Сашкой,
кормить на площади голубей...

Забудь про каждый прокол вчерашний
и всех предавших тебя людей.
Забудь про то, что тебя скосило.

Представь: сестра тебе или дочь.

Скажи, что в ней есть такие силы –
их даже богу не превозмочь.
Скажи, что будет попутным ветер,
и поступь будет её легка.

Что самых лучших на свете встретит
/по два – на каждого ...удака/.
Что для нее распахнутся двери
и вспыхнут звёзды – им нет числа.

Скажи ей так, чтобы не поверить
твоим словам она не смогла.

Содержание

Остановись	6
Луна плывёт медузой за бортом	7
«Будьте как дети»	8
Пока не вылетел на землю	9
Без лишней драмы и без претензий	10
Мы сидим, до упора открыв окно	11
Я замужем – за мужем и детьми	12
Это самое чувство, когда ты как будто жив	13
И приходит слово. Оно как солнце	14
Л.	15
Самый-самый	16
Сны беспечны. Сны – весны	17
Нету в мире счастья!	18
Мимо проносятся светофоры	19
Треснула ветка	20
Обруби сплеча – спяну, сгоряча	21
Они влезают в стихи твои, скалят беззубый рот	22
И потом чёрные блещут лбы	23
Всё так же ищу тебя. Выгадываю маршруты	24
Кофе остыл	25
Жар проникает в тело до костей	26
по улице шёл мужчина	27
Человек-декабрь приходит в мой новый дом	28
Я не могу мучительно, на излом	29
Как это – почувствовать бессилие	30
Ты не ловишься на бумагу	31
Я опускаю ноги в мокрый густой песок	32
Ночь наползает холодной сажей	33
Рассыпайся по городам	34
Хочется именно этого	35
Сегодня я расстреляла ложь	36
Вот что бывает с болью твоей, когда	37
Смерть начинает где-то с тридцати	38

И больше уже не правит	39
Вот твой стол, вот тумбочка и кровать	40
Разбрасывать камни весело	41
О, как это просто – невысказано просто	42
Ставлю джеззу на огонь	43
Мы все там чего-то ищем	44
Вереском розовым, солодом-золотом	45
Мы сидим, сидим	46
Посадите кедр, много-много кедров	47
Что море? Отступает каждый раз	48
Потягивая вечером кефир	49
Утренний эспрессо	50
Никто не умер	51
Ничего и не хочется, кроме зелёного чая	52
Если бы мне сейчас быть бестолковой рыбой	53
Вырви себя из кома	54
В пространстве моей подкорки	55
Можешь рукой утюжить её колено	56
Совсем не страшно быть никем	57
Когда закрыты двери на засов	58
Время жалится, словно шмель	59
Я перестала жить, верить и ждать давно	60
Юбки становятся все длинней	61
В нашем мире спорно всё	62
От тебя не уйдёшь, не скроешься	63
Весна прорастает сквозь будни корнями	64
Если покроют морщины	65
Рождённый быть никем – не станет всем	66
Если и есть на свете такой приют	67
С каждым неровным выдохом голос тише	68
Мой объект космический	69
Пусть время рассудит	70
Чёрен чифир за прозрачной стеной окна	71
Я помню	72
Взгляни на девочку в фоторамке	73

Оксана Горошкина

НИКТО НЕ УМЕР

Стихотворения

Вёрстка: Денис Латынин
На обложке: фото Юлии Романовой
Редактор: Нина Ягодинцева
Корректор: Нина Ягодинцева